

СТАНИСЛАВ
ПШИБЫШЕВСКИЙ

СИНАГОГА САТАНЫ

Станислав Пшибышевский
Синагога сатаны

«Public Domain»

1897

Пшибышевский С.

Синагога сатаны / С. Пшибышевский — «Public Domain», 1897

«Два бога вечно противоположны, два творца и два господина, безначальные и вечные. Добрый Бог создал духов, чистые существа; мир его – мир невидимого, мир совершенства, не знающий борьбы и боли. Злой Бог создал видимое, телесное и преходящее. Он создал плоть и страсти, землю с ее борьбой, ее муками и ее отчаянием, неизмеримую юдоль плача, создал природу, которая вечно производит только боль, отчаяние и зло. Добрый бог – это норма, закон, смирение и покорность...»

© Пшибышевский С., 1897

© Public Domain, 1897

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Станислав Пшибышевский

Синагога сатаны

Часть первая

1

Два бога вечно противоположны, два творца и два господина, безначальные и вечные. Добрый Бог создал духов, чистые существа; мир его – мир невидимого, мир совершенства, не знающий борьбы и боли. Злой Бог создал видимое, телесное и преходящее. Он создал плоть и страсти, землю с ее борьбой, ее муками и ее отчаянием, неизмеримую юдоль плача, создал природу, которая вечно производит только боль, отчаяние и зло. Добрый бог – это норма, закон, смирение и покорность. Детям своим он говорит: «Будьте нищи духом, ибо только так придете в царствие мое! Будьте более дети, чем дети, умертвите волю, следуйте за мной! Не стремитесь изведать причины и цели, ибо только во мне все прошедшее и грядущее».

Злой Бог – это отсутствие правил, упрямый, ясновидческий прыжок в будущее, он – соблазн сокровеннейших тайников и титаническое упрямство, которое, не признавая границ, ниспровергает все законы, все нормы. Он – высшая мудрость и высший разврат, самая дикая гордость и самое лукавое смирение, ибо только так можно одурачить правило. Он освятил высокомерие, отвагу и властолюбие – и называет это геройством; он научил человека, что нет преступления, разве что против его собственной природы. Он освятил любопытство, он назвал его наукой, он заставил человека исследовать собственное происхождение и назвал это фило-софией, он дал безбожно разлиться всем инстинктам в русле пола и назвал это искусством.

Добрый был Злой Бог, хорошим отцом и руководителем: «Ты болен, ты хочешь выздороветь? Гляди! Земля моя изобилует всякими травмами, которые могут исцелить тебя, изобилует и опасными ядами, но ты можешь заставить их служить тебе в качестве лекарства.

Ты хочешь быть богатым, ты ищешь сокровищ? О, располагаю тысячью средств, которыми ты можешь выманить собственную душу твою из убежища, чтобы она открыла тебе драгоценные жилы земли. Ибо душа твоя знает все. У нее и у меня одно начало. Ты хочешь заглянуть в будущее и угадать твою судьбу? Иди, следи за полетом птиц, прислушивайся к шелесту листвы, гляди на звезды, смотри в зеркальные кристаллы, разгадывай линии руки – в тысяче видов я предсоздал твое будущее, но ищи, исследуй, разгадывай, ибо закон мой – острота и ловкость, наблюдательность и дальноркость, творческое любопытство.

Ты хочешь уничтожить своих врагов и не хочешь быть достигнутым законом? Иди! Научи душу свою отделяться от тела, и я перенесу ее за тысячи верст, чтобы ты невидимо удовлетворил алчбу твоего сердца. Ибо твое собственное благо, твое собственное развитие и будущность да будут тебе высшими законами.

Ты потерял жену твою, взятую смертью? Я сострадаю твоей любви, ибо любовь, продолжающая твой род, мне по сердцу. Иди! Тысячи средств есть у меня, тысячи заклинаний, чтобы вырвать дорогое тебе у смерти!

Все обещаю я тебе, все увидишь и все получишь, если пойдем моими путями. Но пути мои трудны, ибо трудно всякое свершение».

Так говорил Злой Бог, так говорил Светоносец и Сатана-Параклет в ту пору, когда еще не родился его великий враг отрок назаретский. И многие шли его путями, и долголетними

¹ Впервые «Синагога Сатаны» была опубликована в 1897 году на немецком языке, а в 1902 году переведена на польский. В настоящем издании воспроизводится русский перевод, опубликованный в 10 томе собрания сочинений С. Пшибышевского в 1911 году.

трудами и муками исследовали тайны неба и земли, и превращали предметы так, что яд становился им лекарством, вода показывала им будущее, а вулканические испарения, истекавшие из земли, открывали им сокровеннейшее естество вещей. И дальше и дальше проникали они по пути созерцания. Круга, который они очерчивали вокруг себя, ряда звуков, которые они произносили в известной последовательности, движения руки – было уже достаточно, чтобы связать их душу со всем мирозданием, раздвинуть все законы пространства и времени, и без преград созерцать бесконечные сцепления причин и следствий с их возникновения до отдаленнейших граней будущего.

Еще не родился в ту пору Сатана-Антихрист. Злой Бог был двуедин. Сатана-отец, Сатана-самиаза, Сатана-поэт и философ жил в гордом, всемогущем и всеведущем роде магов.

Он жил в молчаливых мистериях халдейских храмов, и жрецами его были гакаким (врачи), хартумим (маги), каздим и газрим (астрологи). Этот Сатана жил в доктринах маздеизма, и дети его, маги великие, охраняли святой огонь, сошедший к ним с небес.

От Агура-Мазды, Доброго Бога, научился Заратустра тайнам растения сома; египетский Тот, трижды великий, изложил в 42-х книгах тайное знание и поведал избранным строение человеческого тела, а ужасная Геката наделила своих избранников даром магического видения и творчества и, главным образом, даром тайного убийства. Но наряду с Сатаной-Тотом, Сатаной-Гекатой жил в мире Сатана-Сатир, Сатана-Пан, Сатана-Фаллос. Он был богом инстинктов и плотского вождения, равно почитаемым и высшими и низшими духом, он был неисчерпаемым источником жизненной радости, вдохновения и опьянения. Он научил женщину тайнам соблазнов, заставляющим людей удовлетворять свои похоти во взаимном влечении пола, он роскошествовал в красках, изобрел флейту и привел в ритмические движения мышцы, пока святая мания не охватила сердца, и святой фаллос не оплодотворил избытком своим плодородное лоно. Ибо Пан был Аполлоном и Афродитой одновременно. Он был богом домашнего очага и дома терпимости. Он создал философские системы, он построил музеи и роскошные храмы, он учил медицине и математике и, вместе с тем, храм его был в Астартейоне, огромном доме терпимости, в котором жрицы в долгодетных упражнениях изучали все способы, все разнообразные средства удовлетворения половой страсти. В это время, в эпоху императора Тиберия, когда началось великое переселение богов в Рим, в эпоху высшей утонченности и самого аристократического наслаждения жизнью, Добрый Бог, до сих пор царивший в своем незримом царстве с завидной невозмутимостью, увидел, наконец, что исполнилась мера греха, и послал Сына своего на землю, чтобы он поведал поколениям Злого Бога грустную правду.

И он пришел в мир, Сын Доброго Бога, и явился сперва бедным, угнетаемым, рабам и поденщикам, никогда не вкушавшим святых радостей Пана.

– Что печетесь вы о хлебе насущном? Кто же одевает лилии прекраснейшими цветами, в сравнении с которыми багрец и парча – жалкое тряпье? Кто питает птиц, которые не сеют и не жнут? Зачем стремитесь вы к благам земным, которые скоропреходящи? Какое значение имеет ваша гордость, если высший на земле будет низшим в царствии небесном? А плотская похоть ваша, разве она не врата ада?

О, бедное хотение плоти, бедная похоть, источник всяких страстей, неисчерпаемый источник любви жизни, воля к вечности жизни; она должна была быть уничтоженной, чтобы царство невидимого воцарилось на земле.

Учитель сказал, что ты уже прелюбодействуешь с женщиной, если глядишь на нее с вождением; ученик идет гораздо дальше: святой Киприан говорит о девушке, способной вызвать у мужчины вздох вождения, что она бесстыдна, а если она зажгла в ком-нибудь, даже сама не зная, любовное пламя, то она вообще уже больше не девственница.

– Жена! Что общего между мной и тобой? – вопрошает Учитель. Но много дальше Учителя идет ученик: «*Tu es diaboli janua*, – кричит Тертуллиан, – *tu es arboris illius resignatrix*,

tu es divinae legis prima desertrix, tu es, quae eum persuasisti, quem diabolus aggredi non voluit».² «Omnia mala ex mulieribus»³, жалуется св. Иероним.

Да, он утверждает даже, что женщина вообще не создана по подобию Божьему, ибо в Священном писании ничего не говорится о душе при сотворении женщины. Добрый Бог невидимого ненавидел земную красоту.

Он ненавидел все, в чем Сатана-Пан являл свои откровения, ибо он проповедовал ничтожество и преходящность этого мира. Каждое желание, малейшее возмущение плоти, было грехом, который наказывался долгими годами раскаяния. Тертуллиан неистовствует с фанатической ненавистью против каждой полосы пурпура, которой женщина окаймляет платье. Лактанций проклинает поэтов и философов, которые увлекают неохраняемые души в погибель, уничтожает живопись, ибо «quod nascitur, opus Dei est; ergo quod fingitur, diaboli negotium»⁴.

Театр и цирк стали «diaboli figmenta»⁵; святые отцы предостерегают даже от красок, от цветов, ибо демон, злой враг, охотней всего наряжается в яркие краски роскоши. Исаврий Иконокласт состязается с Григорием Великим в разрушении произведений искусства. Феодосий II приказывает разрушать все храмы и воздвигать всюду кресты. Уничтожают смысл прекраснейших произведений поэтов или вовсе истребляют их, так как демонолог Киприан учит, что в стихотворениях сокрыты «*varia daemonia*»⁶. Жена Афродита становится публичной женщиной, которую каждый может забросать грязью, а любовь – о, Боже, любовь – «*amor si vincitur, diabolus vincitur*»!⁷. Вся природа попадает в проскрипции, и, главным образом, исцеляющая природа. Бог послал болезни, чтобы дать человеку искупить хотя бы часть его грехов здесь, на земле; грех препятствовать божественному Промыслу. В крайнем случае, еще допускаются экзорцизмы одержимых, не для того, конечно, чтобы излечить больного, но лишь для того, чтобы явить мощь Доброго Бога, торжествующего над Злым.

Ubique daemon!⁸ По Иерониму, весь воздух полон демонами, дрожит от их крика и плача о смерти богов, в каждой цветке, в каждом дереве – демон, потому что он – радость и плодородие, богатство и красота. В качестве Люцифера он приносит день и заключает его светом Венеры, навевающей роскошные, сладострастные сны. Первые века знают только одну религию – борьбу с демоном. Но борьба была нелегка.

В фанатическом безумии церковь нападала на глубочайшие и святейшие узы, связующие человека со вселенной. Она насильственно отрывала человека от природы, вешая его между небом и землей. Тайные связи, единившие с природой душу человеческую, душу, как абсолют, как феномен, не зависящий от мозга, были объявлены сатанинскими, дьявольским обманом глаз.

Люди древности находились с природой в интимнейших отношениях. Они жили непосредственно с природой и в природе, они были частью ее, куском ее нерва, проявлявшим вовне малейшие перемены природы. И если все изобретения человеческого духа суть только проекции его организма, то политеистический культ был непосредственной проекцией природы во всей ее благославляющей и разрушающей мощи. И как душа проецирует вовне механизм

² Ты – преддверие дьявола, ты – нарушившая запрет в отношении этого дерева (т. е. Ева. – сост.). Ты – первая пренебрегающая божественным законом, это ты уговорила его, которого дьявол не пожелал преследовать. – лат. (Здесь и далее перевод составителя).

³ Все зло – от женщин. – лат.

⁴ Все, что рождается – есть плод труда Божьего, следовательно, то, что изображается, есть работа дьявола. – лат.

⁵ Твореньем дьявола. – лат.

⁶ Различные злые духи. – лат.

⁷ Если побеждает любовь, побеждает дьявол. – лат.

⁸ Всюду демон! – лат.

дела, рассматриваемого ею изнутри, так и природа выявилась в мощных символах языческого культа.

В безумном бою церковь кусок за куском разрывала ту артерию, через которую кровь земли текла в человека. Она уничтожала бессознательный подбор природы, проявляющийся в красоте, силе и мощи; она охраняла все то, что природа хочет отвергнуть, против чего она так мощно восстает: грязь, уродство, болезнь, калеку, кастрата. Охотнее всего церковь кастрировала бы весь мир, погасила бы свет, отдала бы всю землю в жертву серному дождю; и ее единственным стремлением, ее жгучим желанием было одно – чтобы обещанный страшный суд пришел наконец. Но нерв, артерия не дали себя так легко уничтожить. Особенно народ, земнорожденный, еще крепко коренится в земле. Малейшим случаем пользовался он, чтобы вернуться к своим любимым земным богам.

В кровожаднейших законах изливали свою ярость христиане против язычников, но Демон, то есть земля, природа, был неразрушим. Он уходил в леса, таился в неприступных пещерах, собирал там своих верных и праздновал дикие вакханалии. Но сильнее всего фанатическая ярость ненависти направлялась против Сатаны-мага, Сатаны-целителя. Будьте нищи духом и смиренны, будьте покорны, подражайте, не думайте! Таков был высший закон религии темных масс. Но маг был горд, ибо он противился всем законам. Противясь закону тяготения, он подымался на воздух и не тонул в воде. Если он хотел, можно было бросить его в огонь, и он выходил невредимым. Маг был слишком гордым, чтобы подражать. «Я тоже могу обоже- ствиться добродетелью», – сказал Феодор из Мопсуэсты. Маг презирал нищету духа, ибо он изведal все тайны и разгадал все сокровенное. По звездам определял он наследников царей и знал будущее всех народов. Маг был упрямым преступником против всех законов, знающим ясновидцем. Христос демократизировал свое учение. Соучастниками своего восстания против Ветхого Завета он сделал поселян и рабов, которые были более детьми, чем дети. Маг насаждал свое учение только в самых гордых и мощных душах. Против этого упрямого титана направлялась христианская ярость, ненависть нищих духом, поклонников закона и тех, кто не был способен ни на что, кроме подражания. Уже законы Константина налагали тяжелые наказания за магию. И вот, закон следует за законом, один строже другого, пока при императоре Валенте не были истреблены все философы, между ними и гениальный Ямвлих, отравившийся в темнице. Достаточно было иметь философскую книгу, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности; избегая этой участи, жители империи сожгли все книги. И вот началось страшное мученичество гордых детей Сатаны, в сравнении с которым преследования христиан при Нероне кажутся милой забавой.

К этому времени Маг стал жрецом. Вокруг него собрались языческие общины, все остатки язычества присоединяются к магии. Правда, они теряют свою символическую силу, свое содержание. Никто не знал, что означают знаки и символы, но и тут маг нашел выход. Он придал знакам мистическое значение, которое мало-помалу стало действовать как мощное внушение. Слова, значение которых никто не помнил, стали мощным магнетическим средством, с помощью которого маг устанавливал сношение между своим Повелителем и своей душой.

Церковь увидела, что наказаниями и пытками она ничего не может сделать. В ее способности подражать и только подражать она обратилась к «обратному удару», к этому «*choc en retour*», который играет такую важную роль в магии.

Заклинания магическими знаками были заменены церковными обрядами. Магические заклинания парализовали мессой, святой водой изгоняли Сатану, и если маг именем Сатаны собирал грозу, то христианин мог рассеять ее знаком креста.

Но чем дольше длилась борьба, тем больше должна была уступать церковь. Она была вынуждена смешать языческий культ со своим. Вакханалии при празднествах *Ceres Libera* перенеслись в процессии на празднествах Девы, и до тринадцатого века народ вместе со

священниками праздновал оргиастические празднества, праздник осла, праздник безумцев; остатки фаллического культа прокрались в церковь, капители колонн изобиловали порнографическими фигурами, и излюбленным сюжетом был Ной, прелюбодействующий со своими дочерьми. В особенности же ад. Боже! Как прекрасно! Тут бедному мозгу церковных ученых и теологов, которые так охотно и так наивно и так объемисто списывали друг у друга, не приходилось напрягаться. Аид весьма поражает доброго Евсевия. Ну да, иногда и Демон может иметь хорошие откровения, но все-таки удивительно было то, что язычники так хорошо знали ад. Рабан Мавр в своем описании ада не забывает даже Флегетона, Коцита и Стикса, и в течение всех средних веков ладью Харона принимает за челн Демона.

* * *

Повсюду Демон. Сатана торжествует. Прежде только пугало, средство укрепления власти церкви – он становится теперь всемогущем господином, которого мир боится и старается умилостивить. Почти боялись дышать, чтобы злой дух не вселился в тело. В четвертом веке появляется чудовищная секта массалиев, которые считают себя одержимыми дьяволом; они беспрестанно бьются во все стороны, кричат, плюют, извиваются в ужаснейших конвульсиях, чтобы оборониться от нечистого, имя которому «легион».

Сатана принимает тысячи видов. Он становится богословом, идет в пустыню и мучит святых отцов соблазнительнейшими вопросами, он сеет в душах их тысячи сомнений и колебаний, он идет в монастыри и возбуждает измученный мозг монахов соблазнительнейшими видениями, он посещает добродетельных жен по ночам, отнимает у них волю и разум и понуждает их к бесстыднейшему разврату; он внедряется в мозг многих тысяч верных и вопит дикие проклятия и богохульства.

Церковь была почти не в силах обороняться от Сатаны. Экзорцизмы занимают в требниках все больше и больше места. Ни одна обедня не происходила с такой пышностью, какая имела место при экзорцизмах; не решаются больше предпринимать религиозных церемоний, не расколдовав предварительно всех углов церкви. При папе Сиксте V изгоняют бесовские чары даже из египетского обелиска, перед тем как поставить его в Риме.

Но чем яростнее ведется борьба со стороны церкви, тем сильнее становится Сатана. Одержимость пересиливает, Сатана издевается над церковью ревущими голосами одержимых, он творит чудеса перед толпами верующих. Он открывает священнику его тайные грехи, он предсказывает вещи, которые действительно сбываются, он подымает тело одержимого в воздух и швыряет его изо всей силы на землю, не причиняя ему ни малейшего вреда.

Церковь хватается за отчаяннейшие средства. Совершенно верно предполагая, что всякая сильная страсть предрасполагает человека к одержимости, она запрещает малейшие проявления страсти. Каждая страсть имеет своего демона; если убивают страсть, убивают демона.

Мир в отчаянии. Как оборониться от Сатаны и его соблазнов? Как защититься от вечно, ежечасно подымающихся похотливых галлюцинаций, от тысяч издевающихся, смеющихся голосов, которые Сатана направляет против Бога? Каждая мысль – грех; девица, бессознательно вызывающая влюбленные вздохи юношей, грешит и уже этим одним, по мнению святого Киприана, теряет девственность. Женщина, которая прекрасна, бессознательно грешит, ибо вследствие красоты своей она уподобилась серпу, которым Сатана жнет свою жатву (Ансельм). Монах, которого демон отвлекает от креста, грешит, ибо вызывает бессилие в борьбе. Супруг грешит, если к делу деторождения уделяет больше интереса, чем любви к Богу. Монахиня, моющаяся больше, чем два раза в месяц, грешит. Всюду грех, всюду вечное проклятие; одной мыслью, одним единственным поступком теряешь право на рай и попадаешь во власть Сатаны. Тому же, кто раз подпал власти Сатаны, спасения нет. Ибо даже святые признают, что многие диаволы презирают экзорцизмы и совсем их не боятся.

И в это время массового психоза, заразной истеро-эпилепсии, распространяющейся со страшной быстротой по всему миру, в это время, когда ежечасно ожидают конца мира и живут в диком отчаянии перед близящимся Страшным Судом, возникает вера в Параклета, триединого Сатану-Антихриста.

И время, когда он должен был воцариться, уже близилось. *In tempore saeviet*⁹, говорит Киприан, а Лактанций утверждает, что время уже пришло.

Самые страшные предположения царили насчет Антихриста. Он человек греха, он сын погибели, беззаконник, ругатель, преступник. Он родился от папы и суккубы, или же от «*mundissima meretrix et crudelissimo nebulone*»¹⁰. Грех – его стихия, но он велик в грехе. Все, чему учил Христос, он опрокинет, всякий грех подымет до добродетели. Он возвысится до небес, совершит въезд в «храм» и велит расславить себя Господом. Он прикажет убить служителей Христовых и дерзкими, гордыми устами воскликнет: «Кровь их на нас и детях наших». Он совершит чудеса, больше которых не совершал Сын Божий. И мощь его будет, как та, о которой сказано в книге Иова, 41: «Ничью власть на земле нельзя сравнить с властью того, кто сотворен так, что ничего не боится; кто видит все возвышенное и царствует надо всеми сынами высокомерия».

И Антихрист пришел. Но не Антихрист материального господства, а Антихрист духа, гордости и величия: божественный Мани.

Сатане наскучило неистовствовать в бешенстве эпилептиков, его пресытило жить в распутстве монашеских снов, глупая игра с экзорцизмами более не забавляла его. Богом захотел он стать, Богом, раньше, чем быть в состоянии породить настоящего антихриста. Богом в царстве духа, гордым, диким Противобогом, который оттеснил бы Сына Доброго Бога обратно в его царство невидимого.

Итак, сказал Мани, извечна святая мудрость: есть два бога, равно сильных, равно мощных и противоположных: невидимый Бог Добра, царящий в небесах, не пекущийся о земле и живущий лишь для совершенства своих избранников; и есть другой бог, Бог Греха, который правит землей. Нет греха, ибо грех так же происходит от Бога, как добродетель – от другого, беспечного Бога, который говорит: «не напрягайтесь, подражайте только мне».

Гнозис и манихейство распространились, как по зажигательному шнуру, по всему христианскому миру, и в первый раз возникает вопрос: церковь или манихейство, сказка о свободной воле или действительность детерминизма, бессмысленное подражание или самобытная фантастика мистицизма, покорное рабство или гордый грех во имя Сатаны-инстинкта, Сатаны-природы, Сатаны-любопытства и Сатаны-страсти. Вновь победила церковь. В трехвековой борьбе Сатана принужден был сдаваться. Его первый грандиозный, антихристов Авиньон был разрушен с ужасной жестокостью, и Сатана богохульствует в мрачном отчаянии.

Я – Бог света! Ты, Бог мести, низвергнул меня, потому что я был свет. Твоя ревность к моей красоте, к моему блеску и свету была больше, чем мое могущество, но бойся меня теперь, страшись моей гордыни и ненависти могущественного. Я, вечный свет, не сплю, и дети мои, которых я вскормил вечным светом, никогда не спят. Но твои дети, ненавидящие свет, боящиеся света, твои дети, в низком раболепстве ползающие у ног твоих, твои дети, утомленные борьбой со мною, должны уснуть. Смотри! Я князь среди князей, я обращаюсь с ними, я пляшу с ними. Берегитесь!

Миллионы моих я принес в жертву мести, еще миллионы я принесу в жертву, еще миллионы я пожертвую охотно, ибо миллионы – только удобрение для того Единственного, который породит Единственного.

⁹ В скором времени он будет свирепствовать. – лат.

¹⁰ нечистой блудницы и ужаснейшего негодяя. – лат.

И мечь Сатаны пришла. Он внедрился в землю, и земля стала одержимой. В тысячном году человечество начало отчаиваться в Боге. Свершились чудеса и знамения на земле.

Войско Оттона Великого увидело гаснущее солнце, желтое, как шафран. В Риме дьявол собственлично посетил папу Сильвестра; времена года изменили свою последовательность: снег шел весной, и тяжкая гроза разразилась среди морозной зимы. «Святой огонь» пожирал мясо людей, опаленными клочьями оно падало с костей, земля безумствовала, и люди превращались в зверей. Во время голода, посетившего в ту пору все страны, стали есть человеческую пададь. Голод по человеческому мясу стал манией. Пренебрегали мясом животных, даже не обращали на него внимания. Люди должны были пожирать людей: так пожелал мстительный Сатана. Сперва набрасывались на мясо детей, потом стали жарить тех, кто умирал на больших дорогах, пока, наконец, не нашелся человек, решившийся открыто продать человеческое мясо. И волки появились бесчисленными стаями из лесов и поедали тех, кто еще оставался в живых. И великий страх царил на земле, что она будет лишена населения. И прелаты и старейшины городов собирались и обсуждали, как, по меньшей мере, сохранить в живых сильнейших, чтобы человечество не вымерло!

Тщетно старались умиловить Бога, тщетно злейшие враги клялись друг другу в «*treuga dei*»¹¹, тщетно короли, в короне и со скипетром, пели вместе с певчими молитвы, полные отчаяния – все напрасно.

Если Бог не помогает, Сатана должен помочь! И начали хулить Бога, втапывать в грязь его св. тело, оплевывать его святое знамение. Началась жатва Сатаны. Достаточно долго шептал он, насмехаясь, отчаявшимся: «Смотрите как милостив ваш Бог! Разве вы не видите, что он уже проклял вас и больше вас знать не хочет?»

Ну, если мы прокляты, тогда ничего больше не поможет. *Allons*¹², предадимся всецело Сатане. Христос пролил кровь свою за благо человечества. Хе! Благо?! Что за благо, если людям приходится пожирать друг друга, если земля, как раскаленное железо, жжет ноги, и чума гноит мясо на костях.

Пусть трижды осмеяно будет это благо! На что нам благо, которое должно придти после этого земного ада; в конце концов, это грядущее благо – только сон, как все, что было обещано Благом здесь на земле. Ибо гляди! Церковь, святая невеста Христова, стала распутницей, и я продаю ей себя, ведущей позорнейшую торговлю.

В это время, когда было стыдом быть «без земли», когда не было безземельных господ, земля была чем-то неотчуждаемым. Она неделима, как человек, и должна оставаться неделимой. Она переходит к старшему сыну.

Что же оставалось делать другим сословиям? И вот, для чего же существовала церковь? Храм Божий стал синагогой Сатаны, того отца, которому нужна грязнейшая страсть, чтобы породить зло.

Бесчисленные дети баронов и герцогов становились аббатами и епископами. Созывался народ и вот: «выбирай или...» Народ никогда не ждал этого «или», он выбирал. Атто де-Версейль рассказывает, как шестилетний ребенок был избран высшим ревнителем душ многих тысяч «овец». Он влез на кресло, пробормотал пару фраз из катехизиса и был объявлен епископом. Иногда ребенок забывал свои фразы. Ну, тогда взяли на подмогу голубя, который вдруг опустился ему на голову: и это было еще более благоприятным знаком.

Одновременно весь свет был скандализован почтенными преемниками св. Петра. Две женщины проводят своих возлюбленных в папы. Судьбами христианства управляют сын еврея и двенадцатилетний мальчик.

¹¹ Божественном перемирии. – лат.

¹² Ну же. – фр.

Милостивый отец греха доволен. Теперь он уверен в крепости своего господства. Церковь одумалась. Реформы церкви! кричит весь мир. И папа Григорий VII приступает к реформам. Женщина, о, опять женщина, должна быть уничтожена церковью. С дикой ревностью провозглашает фанатический монах-папа безбрачие. Сам монах, он восстанавливает монахов против белого духовенства. Монах бросает свои факелы в народ, и вот начинается страшный террор. Разрушительный инстинкт народа, этого вечно голодного зверя, расширяется безбрежно. Был ли лучший случай отомстить кровопийце, который неистовствовал против народа в тысячу раз хуже, чем владетель замка? И народ бросается на священников, которые с упорством отчаяния отказываются отпустить своих жен, их гонят от алтарей, душат, калечат или рвут на части. Народ топчет, оскверняет, оплевывает то, что еще недавно свято чтит.

Природу насилуют, церковь отталкивает женщину с отвращением, как нечистое животное, сатанинскую змею, как воплощение вечной гибели мужчины.

Фанатичный безумец Пьетро Дамиани объезжает всю Италию, и в бесчисленных проповедях, обрушивается на женщину: «C'est a vous, que je adresse, ecume de paradis, amorce de Satan, poison des ames, glaive des coeurs, huppes, bijoux, chouettes, louves, sangsues insatiabiles...»¹³. Теологи объявили, что надо подальше держаться от женщины, так как земля достаточно населена и все равно скоро погибнет, а Петр Ломбардский устанавливает, как основное положение, что брак есть грех, в крайнем случае, допустимый.

* * *

С природой церковь справилась удачно. Священника оторвали от жены, чтобы он предавался невыразимо лицемерному половому свинству. Его брак был расторгнут, и вот он начинает наставлять рога мужчинам своей паствы. Но, как уже сказано, безбрачие было проведено почти повсеместно.

Теперь церкви оставалось еще справиться с разумом. Если раньше запрещалось исследовать естество Бога, то теперь, вообще и во всем, запрещали прибегать к разуму. Каждое слово соответствует идее, и каждая идея есть существо. Следовательно, грамматика есть логика, а логика – знание.

Этим отделались от разума. Если идея есть существо, то ведь ничего не надо исследовать. Стоит только созерцать мир в своих мыслях, и уже созерцаешь истинное и действительное.

Бросили размышлять и с воодушевлением стали набрасываться на несколько отрывков Аристотеля, которого Гарун аль Рашид только что перевел на арабский язык. И вот, комментируют бедного Аристотеля, пишут длинные комментарии на комментарии, калечат отрывки, делают язычника христианином, заставляют его с тонкостью доказывать божественность Слова, предсказывать его мученическую кончину: всю систему христианского вероучения находят развитой и философски обоснованной у Аристотеля. Пустая голова Авицены становится князем мыслителей; два бесплодных мула стали оба великими учеными церкви: Фома размышляет о психологии ангелов, а Дунс Скот изобретает сказочную «*machina cogitationis*»¹⁴: если сон соответствует бытию, то слово соответствует предмету! Великолепно! Но дальше: все комбинации слов суть комбинации вещей и реальностей. Соединять слова – значит познавать. Это соединение, определенное известными формулами, дает нам машины для мышления.

Думать, не думая – так порешила церковь. Сатана-философ, создавший головокружительнейшие философские системы Востока, находивший удовлетворение в поэтических утон-

¹³ К вам я обращаюсь, отверженные рая, соблазн Сатаны, яд душ, меч сердец, долгогривые, прелестницы, совы, волчицы, ненасытные пиявки. – фр.

¹⁴ машина, могущая мыслить. – лат.

ченностях Платона, Сатана, раздробивший страшной тяжестью манихейских ересей лучшие головы верных, со злой удовлетворенностью улыбается этому ребячеству.

– Но как же, – спрашивает он у церковных ученых с неописуемо лукавым подмигиванием, – как же будет, если мужик тащит свинью на базар? Кто тут тянет, мужик или веревка?

Целое столетие мучительно ломает себе голову над этим вопросом. Мнения разделились, и самые находчивые атлеты тупоумия не могут разрешить этого вопроса. Машина для мышления разбила мышление, и церковь облегченно вздохнула. Но в то самое мгновение, когда церковь спокойно захотела отдаться своему тихому и нежному делу, сбору десятины, разражается страшная гроза. Абельяр позволяет себе маленькое словечко: «Идея не есть бытие, абстракция не есть реальность».

Красивый и величественный, как бог, так что, по свидетельству летописцев, во всей Франции не было женщины, которая могла бы противостоять ему, необыкновенно ученый для своего времени, вооруженный блестящим даром красноречия, Абельяр начал говорить, как человек, к людям. Он развил и популяризировал ужасающую пустоту церковных учений, и пришел к новым неожиданным заключениям, которые опрокидывали все учения церкви.

Если Ансельм хотел верить, чтобы знать, то Абельяр хотел испытывать и познавать, чтобы придти к вере.

Грех не в деянии, а в намерении. Следовательно, нет греха, но есть кара. Но к чему же весь труд спасения? Это был акт любви. Бог хотел восстановить закон любви, поэтому и послал Сына своего на землю.

Это было страшной ересью для того времени, но философия Абельяра распространилась со страшной скоростью по всей Европе; у ног его сидел цвет тогдашней интеллигенции, из которого впоследствии выделилось двое пап, двадцать кардиналов и пятьдесят епископов. Церковная философия проникает в народ. Абельяр учит беспрестанно, что каждый должен излагать свои мысли соответственно своему разуму; духовная мощь церкви была надломлена; все начали делать новые заключения. Большие и малые, ученые и неучи, да, даже дети рассуждали о святине и о сокровенном, и св. Бернард жалуется в своих доносах на Абельяра: «*Irredetur simplicitas fides, eviscerantur arcana Dei, quaestiones de altissimis rebus temerarie ventilantur*»¹⁵.

Арнольд из Брешии, даровитейший из учеников Абельяра, восстает против папства, он хочет преобразовать церковь по типу первых христианских общин.

С диким воодушевлением слушает народ его учение о власти церкви, которая должна быть только духовной, как того хотел Христос, и в первый раз раздаётся неслыханный боевой клич: «Рим должен быть свободным!» Папа Люций II умерщвлен, а его преемник, Евгений III, должен бежать, чтобы укрыться от народного гнева. Короли Кастилии велят перевести всего Аристотеля и в их свиту приходят арабы и иудеи с пантеизмом Аверроэса и тонкостями Каббалы. Под покровительством императора Фридриха II арабские врачи позволяют себе неслыханное – вскрыть человеческий труп, а Фридрих II, вольнодумец и атеист, остроумный и тонкий философ, спрашивает, улыбаясь, мусульман: «Господа, что вы думаете о Боге?»

Дух скептицизма и неверия охватывает все человечество. «Я» выступает с пьяным энтузиазмом. Все доказать и, вместе с тем, опровергнуть доказанное, считается величайшим философским искусством, и Симон де Турнэ, изложив истинность христианского учения, внезапно восклицает: «*Ah, petit Jesus, petit Jesus, comme j'ai eleve ta loi! Si je voulais, je pourrais encore mieux la rabaisser!*»¹⁶.

¹⁵ Осмеивается вера правдивых, разрушаются тайны Божьи, вопросы, связанные с величайшими вещами, обсуждаются всеми с безрассудством. – лат.

¹⁶ О, крошка Иисус, крошка Иисус, как я возвысил закон твой! Но если я захочу, то смогу принизить его более, нежели возвысил! – фр.

Ричард Львиное Сердце объявил себя братом по оружию султана Малек-Аделя и предложил ему в жены свою сестру. Генрих II, король английский, грозил папе, что примет магометанство, а король Иоанн смеется над церковью.

Человек XII века презирает церковь, он думает также, что царство Сына кончилось, и что наступил черед св. Духа. Мессия сменяет мессию, возникают бесчисленные секты, человек не ищет больше Бога, он нашел Его внутри себя, Бог глаголет его устами. В эту эпоху неслыханной до тех пор силы индивидуального стремления, в это время неверия и разлива инстинктов наступила страшная реакция после неудачных крестовых походов. Бог спал, в то время как Мухаммед проявлял свою мощь в победах мусульман. Трубадуры пели меланхолические песни, в которых обвиняли Бога в измене, в том, что он покровительствует мусульманам против христиан, и даже Людовик Святой предупреждает Бога, чтобы он дал его народу спокойно добраться до родины, «qu'il ne sort contreint renier ton saint nom»¹⁷.

Но предостережение не помогло. Вместо того, чтобы прекратить страшные пытки, Бог обрушил еще большие мучения на отчаявшееся человечество. Народ искал только подходящего случая, чтобы совершенно отпасть от Него. И случай пришел. Славянский Сатана, который, наряду с Добрым Богом, в качестве равноправного принципа зла правит миром, Чернобог или дьявол, собрался в путь, чтобы железными кулаками потрясти основы церкви.

Из Болгарии, через Константинополь и Италию идут богомилы и основываются, сильно поредев на пути, на юге Франции.

Юг Франции издревле был обетованной землей всяких ересей. Он был любимой резиденцией Сатаны. Он был классической почвой волхвства и ведовства и отсюда, уже позднее, чума ведовства распространилась по всей Европе. Весь юг был переполнен евреями и сарацинами. Равнины повсюду имели здесь открытые школы и служили соединительным звеном между арабами и христианами. Через их посредство проникли из Салерно и, в особенности, из Кордовы, разные знания, так щедро употреблявшиеся для преступных целей: дистилляция, сиропы, мази, первые хирургические инструменты, арабские цифры, арифметика и алгебра.

¹⁷ Иначе он согласится отречься от твоего святого имени, – фр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.